

База Бардонеккья

Фабио Капелло появился на тренировочной базе Бардонеккья совершенно внезапно.

Поскольку главный тренер долгое время не показывался игрокам, а все тактические схемы и планы летней подготовки составлялись его помощником, многие в команде решили, что «Дон Фабио» соизволит встретиться с подопечными лишь за неделю до начала официальных матчей.

Однако в разгар очередной двусторонки, когда страсти на поле кипели вовсю, футболисты вдруг заметили, что у бровки больше нет ассистента тренера, Алекса Феррари. На его месте стоял мужчина среднего роста в строгих очках с черной металлической оправой. Его лицо казалось застывшей маской, а на лбу залегли глубокие, суровые морщины.

В этот миг у всех в голове пронеслась одна и та же мысль: «Наконец-то он явился».

Хотя тренировка еще не завершилась, игроки мгновенно потеряли концентрацию. Они то и дело косились на Капелло, пытаясь угадать его настроение, и лихорадочно соображали, как бы повыгоднее себя подать. Кое-кто даже колебался: стоит ли продолжать занятие или лучше подойти и поприветствовать босса?

Капелло же лишь взглянул на часы, сделал короткий жест рукой и приказал всем возвращаться в раздевалку — у него было объявление.

Суровый вид тренера не располагал к дискуссиям, поэтому футболисты поспешили покинуть поле.

Тридцать молодых, разгоряченных мужчин в самый разгар летней жары оказались заперты в душном помещении. Возможности сразу принять душ им не дали, и воздух в раздевалке мгновенно пропитался тяжелым, едким запахом пота. Впрочем, к подобным «ароматам» здесь все давно привыкли.

Линь Чжигао лишь мысленно усмехнулся. За время, проведенное в Англии, его обоняние прошло суровую закалку. Его теперь не напугал бы даже самый жуткий запах нестираных гетр — если только кто-нибудь не вздумает швыряться бутсами, словно химическим оружием, как это любил делать Джей Ботройд. По сравнению с теми временами нынешняя атмосфера казалась почти стерильной.

Когда команда собралась, Капелло вошел в раздевалку, скрестив руки на груди. Его лицо не дрогнуло ни на секунду, несмотря на спертый воздух, что вызвало у Линя искреннее уважение.

Тренер обвел притихших футболистов тяжелым, пронзительным взглядом, а затем его губы растянулись в подобии улыбки. Она вышла настолько натянутой и неестественной, что задействовала, казалось, все лицевые мышцы. Было очевидно, что Капелло не слишком балует

окружающих подобными проявлениями дружелюбия.

«Уж лучше бы он вообще не улыбался...» — подумал Линь Чжигао, почувствовав, как у него невольно дернулся уголок рта.

— Все в сборе? — спросил Капелло.

— Да, мистер, все здесь, — ответил Пепе. На его плече по-прежнему красовалась капитанская повязка. Пока главный тренер не назначил постоянного лидера, именно он оставался вожаком Ювентуса.

— Отлично, — Капелло коротко кивнул. — Феррари передал мне все данные по вашим тренировкам. Я их подробно изучил. Но прежде чем мы перейдем к тактическим планам на сезон, я озвучу свод правил поведения внутри команды. Правил, которые вы обязаны соблюдать беспрекословно.

Лица игроков помрачнели. Каждый из них сразу вспомнил термин, который в последнее время без конца смаковали итальянские спортивные издания: «Десять заповедей Фабио».

Капелло всегда управлял раздевалкой железной рукой, превращая ее в подобие армейской казармы. В Милане, РOME, Реале Мадриде или во время его первого прихода в Ювентус — для него не существовало авторитетов. Он одинаково жестко отчитывал и звезд, и новичков, без колебаний мариновал строптивцев на банке и никогда не шел на компромиссы.

Из-за своего бескомпромиссного характера Капелло нажил в футбольном мире целую армию врагов, практически не оставив места для друзей. Девять из десяти игроков, поработавших под его началом, после ухода из клуба жаловались журналистам на его диктаторские замашки.

Особенно ярко этот казарменный режим проявился во время его работы со сборной Англии. Футбольная ассоциация, жаждавшая триумфа на чемпионате мира в Южной Африке, предоставила итальянцу неограниченные полномочия. Капелло развернулся вовсю, установив жесточайшую дисциплину. Как позже шептались игроки «Трех львов», сливая информацию таблоидам: «Мы жили как в военном лагере. Был только один командир — Капелло. Спорить с ним не смел никто. Даже Бекхэма он мог смешать с грязью при всей команде».

Тогда английская пресса и окрестила этот список драконовских мер «заповедями Фабио», недвусмысленно намекая на библейские скрижали.

Ветераны туринского клуба, заставшие первый период правления Капелло в сезонах 2004–2006 годов, прекрасно понимали, к чему идет дело. Они обменялись с новичками многозначительными и довольно унылыми взглядами. Раздевалка погрузилась в напряженное молчание, все ловили каждое слово тренера.

Капелло, не меня ледяного выражения лица, начал зачитывать устав:

— Первое. Никаких кланов, группировок и деления в команде.

Второе. Полный запрет на сладости и любую высококалорийную пищу.

Третье. Строжайший контроль веса. За каждый лишний грамм будете расплачиваться дополнительными нагрузками.

Четвертое. Никаких проституток и сомнительных историй. За три дня до важных матчей — табу на посещение баров и употребление алкоголя.

Пятое. На выездных матчах — отбой строго в десять часов вечера.

Шестое. При командных выездах запрещен вызывающий внешний вид. Только официальный стиль одежды.

Седьмое. В раздевалке запрещено слушать музыку.

Восьмое. Минимизировать общение с прессой. Любое интервью — не более пятнадцати минут.

Девятое. В автобусе и во время тактических собраний телефоны должны быть выключены.

Десятое. Любые конфликты и драки между одноклубниками караются жесточайшим образом.

Тренер сделал паузу, давая игрокам прочувствовать серьезность момента.

— Надеюсь, все меня услышали. Нарушение любого из этих пунктов означает автоматическое исключение из стартового состава на ближайший матч. В зависимости от тяжести проступка я буду решать: оставить вас на скамейке запасных или сразу сослать в дубль.

Когда первое собрание завершилось, игроки покидали базу бледными и притихшими. Ни у кого не осталось желания ехать в город, собираться компаниями или расслабляться за бокалом пива. Все спешили по своим комнатам — кто-то судорожно заучивал новые правила, а кто-то звонил женам и агентам, чтобы излить душу.

— Капелло в своем репертуаре. С ним шутки плохи, — уныло процедил Маркизио, догоняя Пепе.

Пепе лишь неопределенно хмыкнул, не желая продолжать разговор. С первого же дня пребывания в клубе новый тренер предпочел не выстраивать доверительные отношения, а

наглядно продемонстрировать, кто здесь хозяин. Это заставляло Пепе невольно беспокоиться за свое положение в команде и сохранность капитанской повязки, которую он едва успел примерить.

Опасения Пепе подтвердились очень скоро. Спустя три дня, когда команда возвращалась в Турин, Капелло прямо в автобусе объявил свое решение:

— Нам нужен новый капитан. Джиджи Буффон — надежный, рассудительный и опытный человек. Он идеально подходит на эту роль.

В салоне автобуса мгновенно воцарилась тяжелая тишина. Сторонники Пепе уставились на Буффона с нескрываемым подозрением и обидой. Должно быть, они решили, что ветеран успел за эти три дня зайти к новому тренеру с черного хода и уладить вопрос в свою пользу.

Сам Джанлуиджи Буффон воспринял назначение с абсолютным спокойствием. На его лице не отразилось ни тени триумфа или наигранной скромности.

Как только автобус затормозил у стадиона Делле Альпи, Пепе демонстративно сорвал с рукава капитанскую повязку и первым выскочил из дверей, увлекая за собой свою фракцию. За его спиной Фабио Гроссо, давно поддерживавший Буффона, лишь презрительно фыркнул.

Легионеры команды, включая Линь Чжигао, переглянулись и поспешили поскорее разойтись. Никому не хотелось ввязываться во внутренние итальянские распри. Все молча направились к подземной парковке, чтобы разъехаться по домам.

Цзян Шупэн, наладив быт Линя в Турине, уже улетел обратно в Китай. Линь Чжигао остался один. Собственного транспорта у него временно не было, и он уже собирался вызвать такси, как вдруг заметил на углу улицы у выезда со стадиона знакомый черный представительский лимузин.

Линь сразу узнал этот автомобиль — он принадлежал Джону Элканну.

Почесав затылок и оглядевшись по сторонам, Линь Чжигао решительно направился к машине.

Тонированное стекло задней двери плавно опустилось, и в проеме показалось улыбающееся лицо Джона.

— Какими судьбами? — спросил Линь.

— Решал вопросы с аудиторами в офисе. На выезде вспомнил, что у вас сегодня заканчиваются

сборы, и решил проверить, не удастся ли тебя перехватить, — спокойно ответил Джон. — Подбросить до дома?

Линь улыбнулся:

— Отличная мысль. Глупо отказываться от бесплатной поездки с комфортом.

Машина мягко тронулась с места. Плавность хода была такой, что дорога казалась абсолютно ровной.

— Я слышал, ты обзавелся колесами?

— Да, взял спортивное купе, — подтвердил Линь Чжигао. — Вот только права еще не получил. Так что самостоятельно сесть за руль смогу нескоро.

— Но твоя вилла расположена довольно уединенно. Общественный транспорт там не ходит, да и такси поймать непросто. Как же ты собираешься добираться на тренировки?

— Э-э... — Линь Чжигао озадаченно замер. Об этой детали он как-то не подумал. В элитном поселке действительно не было ни одной автобусной остановки в радиусе нескольких километров, а таксисты не имели привычки кружить там в поисках случайных клиентов — у каждого местного жителя в гараже стояло минимум по две машины.

Джон, забавленный его растерянным видом, усмехнулся:

— Могу временно уступить тебе Клэри.

— Клэри? Это еще кто? — не понял Линь.

С переднего сиденья донесся сухой, бесстрастный голос:

— Это я, сэр.

Линь Чжигао бросил взгляд на зеркало заднего вида и натолкнулся на абсолютно серьезное лицо водителя Джона.

Лимузин остановился у ворот виллы. Линь Чжигао вышел, окинул взглядом свой новый дом и повернулся к Джону:

— Не хочешь зайти? Выпьем по чашке чая или кофе.

На лице Джона отразилось явное удивление, смешанное с приятным предвкушением.

— Я не помешаю?

— Разумеется, нет. Но учти: у меня там может быть легкий беспорядок.

Джон рассмеялся:

— Чего еще ожидать от холостяцкого жилища? Поверь, Линь, меня трудно удивить не убранными вещами. В юности мне довелось пожить в местах, по сравнению с которыми любая неприбранная комната покажется версальским дворцом.

В свое время Джон действительно провел несколько месяцев в беднейших кварталах, и этот опыт стал одной из самых ярких легенд его молодости. Впрочем, к футбольной карьере Линя это отношения не имело, так что вдаваться в подробности они не стали.

Линь Чжигао усмехнулся и открыл входную дверь.

Вопреки его опасениям, внутри царила идеальная чистота. Вся мебель сияла, на полках не было ни пылинки — заслуга, разумеется, принадлежала не самому хозяину, а приходящей домработнице.

Агентство не только предоставляло услуги по уборке, но и регулярно пополняло запасы продуктов в холодильнике, избавляясь от просроченного. Поскольку у Линя из-за плотного графика тренировок практически не оставалось времени на походы по магазинам, он предусмотрительно включил закупку провизии в перечень услуг домработницы.

Заглянув в холодильник, Линь обнаружил там яйца, муку, свежие овощи, соусы, газировку, пиво, молоко, чай и пачку растворимого кофе.

Понимая, что растворимый кофе Джон пить вряд ли станет, Линь налил в чайник воду, зажег плиту и крикнул в гостиную:

— Кофе только быстрорастворимый, так что лучше заварю чай. Ты как?

Джон в это время неторопливо прохаживался по просторному холлу, рассматривая обстановку. Предыдущие владельцы дома, семейная пара дипломатов, обладали безупречным вкусом, оставив после себя великолепную коллекцию изысканных рам и декоративных статуэток.

— С удовольствием. Только добавь молока, примерно на треть.

Вскоре Линь вернулся с двумя чашками свежесваренного чая. Джон все еще стоял у стены, внимательно изучая одну из картин.

Линь протянул ему чашку:

— Что там такое интересное?

— Замечательная работа, — Джон указал на портрет молодой девушки. — «Мадемуазель Ромен Лако» Ренуара. К слову, оригинал принадлежит мне.

Линь Чжигао от неожиданности чуть не пролил чай:

— Серьезно? А здесь тогда что?

— Моя мать питала слабость к импрессионистам и в свое время приобрела несколько его полотен на аукционе, а позже подарила их мне. Здесь, конечно, отличная копия.

Линь Чжигао был бесконечно далек от мира искусства и не видел разницы между подлинником и качественной репродукцией. Для него картина была просто красивым элементом декора, идеально вписывавшимся в интерьер.

Джон, судя по всему, придерживался схожего мнения, хотя по его тону было ясно, что у него дома подобные шедевры висят без всякой лишней помпы, как самые обычные семейные фотографии.

— В таком прекрасном доме нельзя жить затворником. Тебе нужно чаще принимать гостей, — многозначительно заметил Джон, делая глоток чая.

Линь Чжигао со вздохом улыбнулся:

— Прошло всего полмесяца. Я еще толком ни с кем в команде не сошелся. Так, перекидываемся парой слов на тренировках, не более.

— Новоселье — отличный повод изменить это. Дружба, начавшаяся за пределами поля, делает игровое взаимопонимание куда более прочным.

— Вечеринка? Мысль хорошая. Но как быть с угощением? Не заказывать же доставку пиццы для всей команды.

Джон улыбнулся:

— Почему бы не устроить вечер китайской кухни? Итальянцы от нее без ума.

Лицо Линя вытянулось:

— Но я совершенно не умею готовить...

— А твоя девушка?

—... У меня ее нет.

— Что ж, — Джон понимающе развел руками. — В таком случае я могу одолжить тебе своих поваров.

Линь Чжигао от избытка чувств крепко обнял друга:

— Джон, клянусь, ты самый лучший человек на этой планете!

— Эй, полегче! Осторожно, чай же прольешь!..

Через три дня Линь Чжигао у себя на заднем дворе устроил грандиозное барбекю, пригласив всех партнеров по Ювентусу. Почти вся команда откликнулась на приглашение. Игроки приходили не с пустыми руками: несли вино, домашние пироги, приготовленные их женами, и забавные безделушки для нового дома.

Немногие из тех, кто не смог прийти из-за семейных обстоятельств, заранее лично извинились перед Линем.

Даже помощник тренера Феррари заглянул на огонек, прихватив с собой бутылку превосходного выдержанного вина. Линь отправил приглашение и Капелло, но суровый наставник славился тем, что никогда не смешивал работу с личной жизнью и не заводил дружеских отношений с подопечными. Его отсутствие никого не удивило.

Благодаря великолепной еде и элитному алкоголю, предоставленным поварами Джона, вечер прошел безупречно. Гости расходились сытыми и довольными. Даже обычно сдержанный и серьезный Буффон долго и тепло общался с Линем, а рядом стояла его очаровательная супруга.

На следующее утро атмосфера на тренировке изменилась до неузнаваемости. Партнеры по команде стали общаться с Линем гораздо теплее. Во время игровых упражнений взаимопонимание улучшилось, а в двусторонке Линь Чжигао стал получать передачи гораздо чаще, чем раньше.

«А ведь Джон был абсолютно прав», — думал Линь, разминаясь на поле. Он твердо решил в будущем чаще прислушиваться к советам Элканна. Этот парень всегда знал, что делает.

Но если футболисты Ювентуса постепенно привыкали к жестким рамкам Капелло, то пресса пребывала в настоящем бешенстве.

В современном европейском футболе мало кто из тренеров решался полностью закрывать команду от журналистов, но Капелло делал это с легкостью. На любой базе, где он работал, тренировки превращались в секретные объекты за глухим забором. Для прессы выделялось строго пятнадцать минут в день.

Точно так же он вел себя в Англии, заставив местные таблоиды исходить желчью, но так и не уступил ни на шаг. Italianские репортеры столкнулись с той же глухой стеной.

Что можно успеть за пятнадцать минут? Журналисты едва успевали добежать до кромки поля и расчехлить камеры, как время истекало. За рамками этого лимита игрокам под страхом суровых штрафов запрещалось контактировать со СМИ, и, дорожа местом в составе, футболисты беспрекословно подчинялись.

Italianские издания рвали и метали, но китайским репортерам приходилось еще тяжелее. У их европейских коллег оставались другие топ-клубы страны — Интер, Милан, Рома. А вот китайские СМИ держали штат в Турине исключительно ради Линя Чжигао!

Около двадцати телеканалов, газет и спортивных журналов открыли свои представительства в Турине. Более сотни аккредитованных журналистов и пять передвижных станций спутниковой связи круглосуточно дежурили в городе. Центральное телевидение Китая даже планировало командировать собственную бригаду комментаторов для прямой трансляции матчей прямо со стадиона, чтобы избавить отечественных зрителей от задержек сигнала.

Все это крутилось вокруг одного человека, и на кону стояли огромные деньги. Китайских болельщиков не интересовал никто, кроме Линя Чжигао. Златан Ибрагимович? Безусловно, звезда мирового масштаба. Но разве он китаец? Нет! А значит, чтобы продавать тиражи и поднимать рейтинги, прессе позарез был нужен Линь.

Пока журналисты ломали голову, как обойти запреты Капелло — то ли закупать шпионскую технику для съемки тренировок через забор, то ли караулить Линя у ворот его виллы, то ли попытаться подкупить кого-то из персонала, — время неумолимо шло вперед. Занавес над сезоном 2012–2013 в итальянском футболе медленно поднимался.

По традиции, сезон открывался матчем за Суперкубок Италии. И на этот раз битва между чемпионом страны, Ювентусом, и обладателем Кубка, Интером, должна была состояться на нейтральном поле.

Эта новость повергла в экстаз всю футбольную общественность Китая. Ведь местом проведения матча был выбран Шанхай.

<http://bllate.org/book/18232/1765037>